

ЛЕОНИД
ДОВЫЧИН

Город Эн

Леонид Иванович Добычин

Сиделка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174143

Город Эн: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24475-1

Аннотация

Леонид Иванович Добычин – талантливый и необычный прозаик начала XX века, в буквальном смысле «затравленный» партийной критикой, – он слишком отличался от писателей, воспевавших коммунизм. Добычин писал о самых обычных людях, озабоченных не мировой революцией, а собственной жизнью, которые плакали и смеялись, радовались маленьким радостям жизни и огорчались мелким житейским неурядицам, жили и умирали.

Леонид Иванович Добычин

Сиделка

Под деревьями лежали листья.

Таяла луна.

Маленькие толпы с флагами спускались к главной улице. На лугах за речкой блестел лед, шныряли черные фигурки на коньках.

– Здорово, – трогал шапку Мухин. Улыбаясь, бежал вниз. Выше колен – болело от футбола.

Толкались перед дворцом труда. Товарищ Окунь, культработница, стояла на балконе со своим секретарем Володькой Граковым.

– Вольдемар – мое равнодушие, – говорила Катя Башмакова и смотрела Мухину в глаза...

Наконец отправились. Играла музыка. На кумаче блестела позолота. Над белыми домами канцелярий небо было синее.

На площади Жертв выстроились. Здесь были похоронены капустинская бабушка и, отдельно, товарищ Гусев.

Закрытое холстом, торчало что-то тощее.

– Вдруг там скелет, – хихикала товарищ Окунь.

Сдернули холстину. Приспустились флаги. Заиграл оркестр. У памятника егозили, подсаживали взлезавших на трибуну.

– Товарищ Гусев подошел вплотную к разрешению стояв-

ших перед партией задач!

Вертелись. Сзади было кладбище, справа – исправдом, впереди – казармы.

Щекастая в косынке – сиделка, – высунув язык, лизала губы и прищуривалась.

Мухин присмотрелся, вышел из рядов и караулил.

На него заглядывались: тоненький, штанишки с отворотами, над туфлями – зеленые носки.

Начинали разбредаться. Гусевский отец, в пальто бочонком, с поясом и меховым воротником, взял Мухина за пуговицу:

– Каково произведение, – протянул он руку к обелиску с головой товарища Гусева на острие.

Сиделка уходила.

– Мне необходимо, – устремился Мухин. – Пардон.

Дорогу перерезали. Трубя, маршировали – хоронили исключенную за неустойчивость самоубийцу Семкину.

– вы жертвою пали.

Ее приятельница, кандидатка Грушина, ревя, смотрела из ворот.

– Дисциплинированная, – похвалил растратчик Мишка-Доброхим, – в процессии не участвует.

Сиделка скрылась...

За лугами бежал дым и делил полоску леса на две – ближ-

ною и дальнюю.

Запихав руки в карманы, Мишка, сытенький, посвистывал.

– Выпустили? – востроенулся и поздравил его Мухин.

Спустились вниз. Здоровались с встречающимися. Оставались у афиш.

– Иду домой, – простился Мишка. – Обедать.

На крае зеркальца в окне «Тэжэ» блестела радуга. Кругом была разложена «Москвичка» – мыло, пудра и одеколон: пробирается к кому-то, кутается в горностаи, ночь синяя, снежинки...

Захотелось небывалого – куда-нибудь уехать, быть кинематографическим актером или летчиком.

В столовой Мухин засиделся за газетой. Открывающийся памятник – образец монументального искусства...

Спускалось солнце. Церкви розовелись.

Шаги стучали по замерзшей глине.

В комнатке темнело. Над столом белелось расписание: физкультура, политграмота...

В гостиной у хозяйки томно пела Катя Башмакова и попевала на гитаре.

Пришел Мишка. Прислушался. Состроил хитрое лицо.

– Нет, – покачал Мухин головой печально, – кому я нравлюсь, мне не нравятся. А чего хотел бы, того нет.

– Это верно, – согласился Мишка.

Светились звезды. У ворот шептались. Шелестели листья

под ногами.

Шли под руку. Задумчивые, напевали:

– чистим, чистим,
чистим, чистим,
чистим, гражданин.

Спустились к речке: тихо, белая полоска от звезды.

Зашли в купальню и жалели, что не захватили скамеечек,
а то бы здесь можно посидеть.

Потолкались у кинематографа: граф разговаривает с да-
мой. Пospешили взять билет...

В столовой «Моссельпром» гремела музыка. Таинственно
горела маленькая лампа. – Где вода дорога? – говорили за
столиком. – Рога у коровы, вода – в реке.

За прилавком дремала хохотушка в коричневом галстуке.
Подбодрили ее: – Веселей!

Стаканы, чтобы чего-нибудь не подцепить, ополоснули
пивом. Чокнулись.

– Я чуть не познакомился с сиделкой, – сказал Мухин.